

УДК 94(4)

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/9

СЛАВЯНСКАЯ ВЕРСИЯ ИДЕИ «ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ»: ЧЕСЛАВ МИЛОШ*

Т.Л. Рыбальченко

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: talery.48@mail.ru

Авторское резюме

Статья посвящена интерпретации идеи «Центральной Европы» как культурогенного пространства славянских народов в Европе в эссеистике польского поэта, лауреата Нобелевской премии Ч. Милоша. Культурная идентификация славянских народов в центре Европы, оказавшихся в XX в. в сфере влияния тоталитарных политических и идеологических систем, остается актуальной в условиях глобализма современной цивилизации. Выявляется концепция европеизма культуры малых славянских народов (прежде всего польской культуры) на основе римской ветви христианства, в отличие от русской культуры, в которой выразились традиции гностицизма, обусловившего радикальное отношение к человеку и миру. Милош опровергает миф о России как варварской или азиатской стране, обнаруживая мировоззренческие основы российской цивилизации: универсализм, максимализм, упование на общечеловеческую истину и общее спасение, принятие жертвы во имя достижений абсолюта и пр. В статье обосновывается милошевская концепция Европы как свободного союза разных малых этносов с разными языками и традициями. Доказывается, что Милош опирается не на политическую идею «Срединной Европы» Ф. Номанна, а на концепцию «Европы отчизн» С. Винценца, союза «małych kraików» – «малых родин». Милош отстаивает значение «малой родины» как влияние природной («теллурическое») многокультурной среды, дающее личностное укоренение в мировых культурах. Страны Центральной Европы, исторически оказавшиеся на пересечении культур и ставшие жертвами имперских амбиций разных государств в различные периоды истории Европы, продолжают сохранять традиции собственной культуры в поликультурной среде. Общие религиозные ценности и опыт совместного существования нейтрализуют националистические притязания. Милош видит миссию малых славянских стран в Центре Европы в соединении разных культурных традиций и в трансляции европейских традиций в большой мир. В посткоммунистической Европе славянские народы призваны стать хранителями традиций высокой культуры, защищающей от унификации и смешения культур.

Ключевые слова: Чеслав Милош, европейская культура, русская цивилизация, малая родина, личностная культурная самоидентификация.

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

SLAVIC VERSION OF THE IDEA OF “CENTRAL EUROPE”: CZESLAW MILOSZ*

T.L. Rybalchenko

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: talery.48@mail.ru

Abstract

The article discusses the idea of “Central Europe” as a culture-generating space of Slavic peoples in Europe in the essays of the Polish poet, a Nobel Prize winner Czeslaw Milosz. The cultural identification of the Slavs in the center of Europe, who found themselves in the sphere of influence coming from totalitarian political and ideological systems (German and Russian totalitarianism; fascist and communist ideologies) is still relevant within the context of the globalism of the modern civilization. The conception of Europeism of the culture of minor Slavic nations, Polish in particular, formed on the basis of the Roman branch of Christianity is contrasted with Russian culture following the traditions of Gnosticism that formed a radical attitude to man and the world. At the same time, Milosz debunks the myth about Russia as a barbarous and Asiatic culture while finding the ideological principles of Russian civilization: universalism, maximalism, hope for universal truth and salvation, accepting a sacrifice for the sake of the Absolute, and others. The article discusses the sources of Milosz’s conception of Europe as a free union of different minor ethnicities with different languages and traditions. Milosz’s idea is shown to go back not to the political idea of “Central Europe” (Friedrich Neumann’s “Mitteleuropa”, 1915), but to the conception of Stanislav Vincenz’s “Europe of Homelands,” i.e. the union of “malych kraikow” – “minor homelands”. Milosz insists on the meaning of the “minor homeland” as a factor of natural and polycultural social milieu that provides a personal place in world cultures in the native cultural space. The right for the personal cultural identification is given by the states that are not based on the principle of monoculture (Vilnius and Polish-Lithuanian Commonwealth are examples, according to Milosz). The countries of Central Europe located on the crossing of cultures and fallen to the imperial ambitions of different states during different periods of history, have been keeping the traditions of their own culture in a polycultural milieu. Milosz believed that the mission of minor Slavic states in the center of geographical Europe is to join different cultural traditions and translate European traditions to the global world. If during the period of communist dictatorship the countries that became a part of “Eastern Europe” were forced to be oppositional to Russian culture as that of empire and defend their right to develop their own national and European traditions, in post-communist Europe, the Slavs were to become the keepers of high culture traditions on guard against the unification and mingling of cultures coming with the civilization of multi-culturalism. One of the missions of Slavic peoples is to become a mediator between Western Europe and Russia that passes the experience of high Russian culture (first of all, Russian 19th-century literature) to the European tradition.

Keywords: Czeslaw Milosz, European culture, Russian civilization, minor homeland, personal cultural identification.

В современной политической конфронтации Европы с Россией полезно обратиться к предшествующим периодам драматических связей Восточной и Западной Европы, прежде всего к той исторической ситуации, которая непосредственно предшествовала современной, а

* This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

именно к положению, когда Восточная Европа включала государственное объединение славянских народов под эгидой социалистической (коммунистической) идеологии. То, что политическое объединение не было органичным, показал его распад вследствие ослабления усилий новой России сохранить союз славянских народов после развала Советского Союза. Нового свободного объединения стран Восточной Европы не возникло, в том числе и по причине негативного отношения культурной элиты к идее объединения на основе славянской идентичности. Поэтому стоит обратиться к самоидентификации национальных славянских культур, предложенной их авторитетными представителями в советскую эпоху, и в них искать как основания для отказа от культурной идентичности с русской культурой, так и истолкование этнокультурных схождений для выстраивания будущего пространства славянской культуры в глобальной современной цивилизации.

Чеслав Милош (1911-2004) может быть отнесен к числу признанных авторитетов в области не только литературы, но культуры в целом: польский поэт и эссеист, нобелевский лауреат (1980); его жизненный опыт определялся прихотливой историей Европы в XX в.; его политическое и творческое самоопределение совершалось не конъюнктурой, но основательным знанием той социокультурной среды, куда он входил или от которой он отдалялся при несовпадении его личных ценностей с ценностями социума. При этом Милош заявлял о своих позициях, к каким бы последствиям для него это ни могло привести, а его идеи подхватывались интеллигенцией Европы, деформировались, как это часто случается. Одной из таких идей, взятой на вооружение диссидентской интеллигенцией Восточной Европы 1970-1980-х гг., была идея «Центральной Европы» как культурного феномена XX в., ставшего буфером между Западной (неславянской) Европой и Советской Россией как особой цивилизацией. В 1988 г. в Лиссабоне на встрече писателей Центральной Европы с русскими писателями (советскими и эмигрантами) идея «Центральной Европы» не была принята именно русскими писателями не только по причине отторжения русской культуры от европейской, но и в связи с неоднозначностью самоидентификации писателя, одновременно существующего в контексте мировой и одновременно национальной, провинциальной культуры (Лиссабонская... 2005).

Идея «Центральной Европы» сформулирована в эссе чешского писателя М. Кундера «Украденный запад, или Трагедия Центральной Европы» (*The Stolen West or the Tragedy of Central Europe*, 1983), опубликованном в 1984 г. (Кундера 1984). Хотя М. Кундера впоследствии не соглашался на перепечатывание эссе, но неоднократно обращался к идее «Центральной

Европы» как особого культурного единства разных наций в искусстве XVII – первой половины XX в. (время барокко, бидермайера, неавангардного модернизма в романах первой половины XX в.: Ф. Кафки, Р. Музиля, Я. Гашека, Г. Броха, В. Гамбровича; например, в сборнике эссе «Занавес» искусство стран Центральной Европы предстает как зеркало европейской культуры и ее «лаборатория заката» в XX в. (Кундера 2014). Центральная Европа, будучи семьей малых наций, лишена агрессивности, ей свойственна «мудрость «иронического духа»»), связанного с недоверием истории, которой существование малой нации «в любой момент может быть поставлено под сомнение». В этом отношении к истории источник особой культуры, спасительной для современной Европы, нарушившей принцип сосуществования культур.

Исторически Центральная Европа сосредоточила на небольшой территории многообразие культур «на основе единственного правила – максимального разнообразия при минимальных размерах. Россия <...> основана на прямо противоположном принципе минимального разнообразия при максимальных размерах» (Кундера 1984). Раздел Европы привел к тому, что культура малых наций оказалась под контролем Советской России (была украдена у Европы), а причиной была «идеология славянского мира», принятая как «защита от германской агрессии», использованная для оправдания имперских планов. «Центральная Европа – это не государство: это особая культура или судьба»; культура малых наций, политических аутсайдеров, лишенная агрессии, сформировала «мудрость иронического духа», источник их культуры в новое время. После раздела Европы не только она оказалась без культурогенного пространства малых славянских народов, но и их культурное пространство лишилось поликультурной основы для развития. Кундера отстаивал идею культурной и национальной толерантности государства, которая способствует естественному культурному взаимовлиянию как условию развития вне национальной изоляции. Как пример Кундера называет полинациональный союз в Австро-Венгрии. Кундера возражал против сближения своих идей с идеей «Срединной Европы» (Mitteleuropa) Ф. Науманна, рожденной в условиях Первой мировой войны как программы геополитического усиления Европы в противостоянии «Востоку». Важно, что Кундера ссылался на Ч. Милоша, утверждавшего ставшую «другой», «восточной» славянскую часть Европы как часть Западной Европы, «родной Европы». Так называется книга Ч. Милоша 1958 г., написанная им в эмиграции во Франции и полностью не переведенная на русский язык до 2011 г. (Милош 2011а); в Польше книгу напечатали в 1981 г. на волне социального протеста, в преддверии «Солидарности».

В отличие от эссе Кундеры, политической декларации, инвективы, адресованной Европе, книга Ч. Милоша – это аналитическая книга, хотя тоже обращена к Западной Европе: название «Родная Европа» относится именно к Западной Европе, которую Милош утверждает как «родную», вопреки тому, что европейцы воспринимают ее как «другую» Европу, славянскую, Восточную, сближая с Советской Россией. «Rodzinna Europa» можно перевести как европейская семья (пол. *rodzinna* – семья), к которой Милош причисляет Польшу и другие славянские страны, оказавшиеся в Европе между двумя империями – германской и российской: «...я решил написать книгу о восточноевропейце <...> который хуже, чем кто бы то ни было, умещается в стереотипные категории немецкого порядка и российской *âme slave*» (Милош 2011: 13). В книге уточняется, что Европа стала отделять от себя восточные страны с XVIII в., забывая об исторической миссии «окраинных» славянских стран быть двунаправленной границей между Европой и не-Европой.

Отличает книгу Милоша от эссе Кундеры ее автобиографическая основа, опора на личный опыт восприятия разных эпох и культур в меняющихся исторических обстоятельствах XX в. Милош родился на территории, принадлежавшей России, знал русский язык, познакомился с Россией во время переездов семьи за отцом, служившим инженером в Российской империи (в книге воспроизведены картины Первой мировой войны и революции в России, увиденные глазами ребенка: главы «Место рождения», «Путешествие в Азию», «Война», «Десять дней, которые потрясли мир»). Образование Милош получил в Вильно, до 1939 г. принадлежавшем Польской Республике, в многонациональном городе, хранившем традиции Речи Посполитой, исторического равного союза малых наций Европы. Об атмосфере города как образце культурной толерантности (польской, литовской, русской, еврейской культур), способствующей естественному самоопределению личности («формы существования» для молодого Милоша), он пишет не только в главах «Родной Европы» («Город молодости», «Католическое воспитание», «Национальности», «Марксизм»), но и в переписке 1978 г. с Т. Венцлова, чьим родным городом был Вильнюс (Милош 2001а). До войны Милош познакомился с Францией и эмигрировал туда из социалистической Польши. После десятилетней эмиграции во Францию Милош два десятилетия прожил в США и вернулся в новую Польшу. Идеи «Родной Европы» уточнялись в его поздней эссеистике, но не отвергались. Об этом свидетельствует двухтомник, собранный Б. Торунчик, – «Россия – трансатлантические видения» (2011), сделавший доступными высказывания Милоша не только о России, но и о славянской культуре Центральной Европы (Milosz 2011).

Есть основание воспринимать милошевскую идею европейской миссии славянских государств в аспекте экзистенциальных, а не политических или этнических идей. Главное, что отличает идею «Центральной Европы» у Милоша, в отличие от идеи «Центральной Европы» у Кундеры, – утверждение значимости не государственного образования, а малого культурного пространства для личностного самоопределения человека. Политическая система влияет на культурную ориентацию художников, но важнее самоопределение личности в поликультурном пространстве пересечения множества традиций, тогда родная культура не отделяет, а выводит в большое пространство культуры, дав опору самоопределения.

В «Родной Европе» Милош дает экскурс истории Европы (и Польши) как естественное соединение разных национальных образований после конца античной цивилизации на основе христианских идей. Однако религиозная основа оценивается Милошем не церковными институтами, но общим мироотношением. Католический вариант христианства важен как фундамент отношения к земной реальности и человеку: божественное не отвергает земного, напротив, утверждает необходимость внимания к земной реальности, человеческой личности, участию в оформлении частного пространства жизни каждым человеком. Это способствует развитию культуры как возделыванию жизни, созданию материальных и духовных ценностей. Отсюда вытекает и западноевропейский принцип сосуществования разных этносов, не кровное родство, не имперское подчинение одной нацией других, но соединение разных этносов по близости духовных установлений. Прусский имперский принцип постоянно угрожал малым нациям, но вплоть до XVII в. возникали союзы, подобные польско-литовской унии, Речи Посполитой, в которой государственное устройство не подчиняло одну культуру другой. В период Реформации малые нации пережили тенденцию к национальному обособлению, но национализм, например польские шляхетские имперские устремления, сдерживался католическими принципами.

Европейский тип культуры, в которой развивались славянские страны Центральной Европы, Милош показывает в «Родной Европе», сравнивая с Россией, которая понимается им как неевропейская цивилизация. Милош не считает Россию азиатской страной, хотя следы многовековой зависимости от монголо-татарской цивилизации заметны. Он выдвигает как причину особой российской ментальности именно религиозные представления, объясняющие характер мироотношения. Милош находит корни византийского православия в сектантских ветвях раннего христианства, в гностицизме: отношении к земной жизни как радикально противоположной божественным законам. Понимание тотальности

греха на земле объясняет нежелание возделывать действительность; понимание неизбывной греховности объясняет принятие насилия над человеком; признание собственной греховности побуждает не к совершенствованию, а к принятию наказания, предрасположенности к рабству перед земной юдолью.

Тоталитарность русского сознания связывается Милошем не столько с дикостью или чувством этнического превосходства, сколько с идеей «спасения всех и разом». Спасение – не результат усилий людей, а чудо, проистекающее от высших сил, в таком случае нация исполняет высшую волю, спасаясь сама и спасая другие народы.

Милош, испытавший в юности притягательность марксизма, объясняет причину, почему именно в России марксизм стал господствующей идеологией. Русские, по мнению Милоша, восприняли в гегельянской идее истории как движения к абсолюту проявление метафизической силы, которой должен подчиниться человек, меняя, отвергая мир во зле, а не улучшая созиданием того, что создано раньше. Неуважение к себе самому и каждому, заведомое понимание неизбежности зла в условиях социальной жизни побуждают к странности зла, совершаемого русскими. Все пишущие о взглядах Милоша на русскую цивилизацию цитируют сцену из «Родной Европы», когда русские солдаты, мирно и сочувствуя общаются с пленным немцем, чтобы потом расстрелять его: без мстительного энтузиазма, но и без мук совести, не из подчинения, а по убеждению в праве исполнить высшее наказание. Милош не демонизирует русское сознание, не следует мифам об азиатском коварстве, а возможность нарушения этических норм объясняет убежденностью в том, что каждый имеет грехи, за которые может быть наказан.

В книге Милоша Россия – «другая», но христианская страна, ее историческая миссия, как и миссия других славянских стран, быть границей христианской культуры. Но для Европы Россия опасна именно мессианскими претензиями, перерастающими в имперские действия, подавление малых наций. В таком случае особая миссия Польши и славяно-балтийских наций – быть посредником между Россией и Западом: проводником (не навязыванием) европейской культуры, как это было с XVII в., когда шляхетская культура, воспринявшая французскую культуру, познакомила Россию с Новым временем. Затем Россия сама искала смыслы европейской культуры в других национальных вариантах и к XIX в. сделала мощный рывок, создав высокую культуру словесности (в философии и литературе).

Милош, говоря о страхе перед Россией, предостерегает ее от демонизации, от страха перед русским отношением к миру. Страх перед

вниманием русской культуры к разгадыванию зла лишает европейцев объемного понимания мира. Однако критическое изложение Милошем мифов о России как в «Родной Европе», так и в эссеистике нередко принимается за изложение собственных взглядов Милоша. Так, статья М. Гроховской в «Gazeta Wyborcza» (Гроховска 2012) о двухтомнике Ч. Милоша «Россия – трансатлантические видения» (Milosz 2011) называется «Чеслав Милош: «Добро – это мы, зло – это Россия»», в то время как Милош формулирует в этом выражении существующий миф, предупреждая от него мыслящих людей, должных избегать мифологической абсолютности разделения добра и зла.

Пограничное положение Польши и других стран Центральной Европы дает им особую миссию – сохранение традиций высокой европейской культуры. В советскую эпоху эта миссия связывалась с противостоянием коммунистическому империализму, в годы жизни в США и в постсоветские годы Милош говорит о миссии сбережения европейских традиций в глобализованном мире, куда устремилась и Западная Европа. Польша всегда была «кассандрой», предупреждающей «родную Европу» об экспансии чуждой культуры, теперь страны Центральной Европы должны предупреждать и прилагать усилия сопротивляться тоталитаризму массовой культуры, грозящей унификацией. Милош видит эту опасность не только в трансатлантической цивилизации, но и в новой России, капитулировавшей перед западными утилитарными ценностями.

В лекциях, прочитанных в Гарвардском университете в 1981 г., Милош предупреждал: «Мы находимся на пути к унификации нашей планеты: это унификация посредством единой повсюду науки и техники. Происходит так вследствие победы одной цивилизации, той, которая родилась на небольшом западноевропейском полуострове» (Милош 2013: 110). Именно культура, а не религия в современном мире призвана дать мировоззренческую ориентацию, ибо следование религиозным догмам останавливает современного человека от необходимости разбираться в сложности бытия. Об этом он писал в книге «Видения на заливе Сан-Франциско» (1969): современная цивилизация, казалось бы, обращается к религии как к спасению от мировоззренческого релятивизма: «перед лицом распада традиционных норм мы ведем себя так <как если бы> все, чему учит религия, стражница тайны, было истинно. Люди приостанавливают свою способность рассуждать и поют вместе с другими песнопения в храме, причем главной опорой оказывается сомнение в своей способности самому распутать столь сложные вещи» (Милош 20016).

В сохранении традиций европейской культуры важна опора на вклад России в мировую культуру: в течение трех столетий, вобрав опыт Европы,

Россия создала свой роман - мыслительную и художественную форму, которой нет аналога не только в польской литературе. Русский роман XIX века стал бесстрашным прорывом в познании бытия. Сказалось внимание русских к тому, что за пределами нормы, к познанию зла, то, что «пугает» самого Милоша в русской литературе, но он отдает честь бесстрашию русских в открытии тайн и противоречий окружающего мира. В статьях о русской литературе, прежде всего о Достоевском, как прорыв за пределы эмпирической реальности высоко оценивается иррациональность, мистицизм русской литературы – следствие устремленности за пределы греховной реальности и максимализма претензий к божественному замыслу.

В эссе «Достоевский и Сведенборг» (1971) Милош пишет, что «культурное запаздывание России сделало русскую интеллигенцию открытой для внезапного нашествия европейской научной мысли, столетия которой оказались спрессованы в несколько десятилетий. Поэтому Достоевский как религиозный мыслитель во многом близок к религиозным мыслителям Запада, которые задолго до него пытались противостоять разъедающей напасти научных открытий. <...> для Достоевского неприемлем Век Просвещения, воплощенный в Вольтере» (Милош 1999). Милош прочитывает Достоевского как выразителя русского гностицизма: «Вопрос о двух природах Христа [*человеческое и божественное*. – Т.Р.] лежит в основе всего творчества Достоевского, он же предопределяет и его переход от социалистической утопии к национальной» (Милош 1999). Хотя Милош замечает склонность Достоевского к национальному мессианизму: «В бунте Достоевского ощутима подчеркнутая, преувеличенная моральная чувствительность: миропорядок должен быть отвергнут, поскольку оскорбляет нравственное чувство человека, ведь мир полон страданий и смертей живых существ, беспрестанно мучающих друг друга. Такому природному порядку предназначен противостоять идеальный человек Христос. Но, к несчастью, для бунтовщиков он всего лишь человек, ошибки которого тоже предстоит исправить, отсюда – логическое заключение о неизбежном пришествии Человекобога» (Милош 1999).

В русской литературе «культурное отставание» проявилось как преимущество учитывать открытия, которые были сделаны в Европе, но избежать повторения, схоластики. Неигровая русская философия позволяла себе не придерживаться «правил игры» и тем выводила упорядоченность европейской философии к современным открытиям. В эссе о Л. Шестове Милош так оценивает русскую философию: «никакого богословия и никакой схоластической философии в прошлом, <...> зато тьма философствующих, причем страстно философствующих, каждый на

свой лад. Шестов был образованным человеком, но он был лишен той гладкой доктринальности, которую так искусно воспитывают западно-европейские университеты; он не боялся нарушить правила игры <...> эта свобода и есть как раз то, что превращает его мысль в подарок для людей в отчаянном положении...» (Милош 1992: IV). Литература в России была свободна от правил и потому говорила не только то, что принято, это важно вобрать в европейскую культуру, где периодически возникает опасность имперской идеологии или толерантности демократизма, останавливающей интеллектуалов перед «последними вопросами».

Итак, в современном мире человечество спасет не религия (их множественность грозит столкновением), а культура с ее возможной вариативностью в поисках смысла жизни. В свою очередь высокую культуру, ищущую смыслы, спасут не изоляционизм малых культур и не мультикультура, не иерархическое смешение культур, а личностный выбор ориентиров человеком на пересечении разных культур, вер, ценностей. В главе «Россия» книги «Родная Европа» Милош пишет: «Я не делю людей на лучших и худших ни по языку, ни по цвету кожи, ни по вероисповеданию и считаю коллективную ответственность разнообразностью преступления. При этом <...> моя симпатия к каждому русскому по отдельности, моя предрасположенность в его пользу» (Милош 2011: 135).

Утверждая неоднократно значение малого природно-культурного пространства, в котором формируется человеческая личность, Милош опирается на личный опыт: в малом пространстве Литвы, которая принадлежала России, затем Польше, сохранилось историческое соседство разных языков и обычаев, кроме того, общая природная среда уравнивает права соседствующих этносов на выбор способа жизни. Оба эти фактора дают возможность индивиду впитывать множество отношений к миру, делать ненасильственный отбор и синтез традиций. Культура, в отличие от государственных идеологий, допускает экзистенциальный выбор духовных и ориентиров, об этом Милош говорил в нобелевской речи: «Прекрасно родиться в малой стране, где природа человечна и соразмерна человеку, где на протяжении столетий сосуществовали друг с другом разные языки и разные религии. Я имею в виду Литву, землю мифов и поэзии. И хотя моя семья уже с XVI века пользовалась польским языком, <...> но пейзажи, а может быть, и духи Литвы никогда меня не покидали. <...> Поэт, который вырос в таком мире, должен быть искателем действительности путем созерцания» (Милош 1999: 11-12).

Когда действительность периодически сметается «демоническими действиями Истории, имеющей все черты кровожадного божества», поэт становится носителем традиций, где бы он ни жил после, спасаясь

от насилия. Таков экзистенциальный опыт самого Милоша, и такова коррекция идеи Центральной Европы в его поздних эссе: в меняющемся мире быть хранителем своего языка при знании множества ценностей.

В письме Т. Венцлову Милош пишет о городе Вильнюсе как «форме духовной жизни»: «город, его архитектура, пейзаж окрестностей, его небо создали нас обоих» (Милош 2001а). Здесь Милош называет важнейшие составляющие культурной ориентации личности в малом пространстве, если оно не изолировано, не монокультурно, а многомерно и многообразно: во-первых, «теллурические» воздействия (влияние самой земли), а во-вторых, дух города, создаваемого многими поколениями, его духовная аура. «Малые места» в Европе – это не автономные крепости, а «перекресток вер, культур, империй»; по выражению Б. Дубина, переводчика «Родной Европы», они открывают путь в большой мир, позволяя органично выбрать вектор развития личности. Центральная Европа дает много примеров таких естественных союзов разных культур, и для Милоша это не государство (Австро-Венгрия, как у Кундеры), а места «*małych kraików*», как Галиция или местечко Ла Комб, где жил польский писатель-эмигрант С. Винценц (1888-1971), делая место своего проживания средоточием общения, «платоновской академией». «Родная Европа» Милоша – синоним «Европы отчизн» Винценца (Милош 1999: 292-305).

Большие государства опасны тенденцией к единообразию, к монокультуре. Хотя передел Европы в ходе войн начался с XVIII в., XX ст. губительно продемонстрировало агрессию имперского национализма – фашизм с его идеей превосходства одной расы, интернационализм с идеей снятия различий, традиций в движении к общей цивилизации. Вот почему Милош настойчиво утверждает идею «малых родин», из которых родилась Европа. В малых топосах культуры имперское и националистическое корректируется иронией, которая остается оружием побужденных стран: «В Литве тамошней языковой и вероисповедной запутанности, <...> эта густота, особенность <...> защищала от обобщений, от т.н. *idées générales*. <...> массовой культуре я тут противопоставляю культуру высокую» (Милош 2008).

Вернувшись в новую Польшу, Милош продолжает говорить о значении центрально-европейских стран как хранителей исторической памяти не для противостояния, а для выявления ценного в прошлом каждой отдельной культурой и каждым отдельным человеком. Только личностное самоопределение преодолевает монокультурность, довольствование малыми сегодняшними потребностями и идеями: «Сегодняшней глобализации сопутствует т. н. массовая культура, <...> начинает создаваться новый тип человека, который живет сегодняшним днем и которого лишь

с трудом можно убедить интересоваться тем, что было когда-то. Между тем историческое сознание – великое сокровище». Милош акцентирует личный выбор «родных» традиций после вбирания объемной и многовековой культуры: в многолетней эмигрантской судьбе «я не перестал писать по-польски и чувствовал себя прочно укорененным в своем языке и своих в высшей степени провинциальных корнях» (Милош 2008).

Вот почему Милош выделяет позицию В. Гомбровича (1904-1969), польского писателя, подвергавшего сатирической деконструкции как национальные польские мифы о себе, так и мифы о европеизме: «Сутью творчества этого писателя была борьба с натиском Запада, понимаемого как необъятное богатство европейской цивилизации. Он задавал себе вопрос, как он, поляк, может устоять перед этим нашествием замечательных умов и талантов. Он, «латинизированный славянин», все культурное прошлое которого было перевариванием мотивов, приходящих с Запада. Но западная цивилизация была старой, и он противопоставлял ей нашу «младшесть», нашу незрелость, именно в ней усматривая большую свежесть и гибкость, освобождающую от господства все новых условностей и форм. <...> Он был за то, чтобы поляк выработал себе независимую позицию, суверенную по отношению к западному престижу, на который работали века» (Милош 2008).

В беседе с журналистом «Новой Польши» 2003 г. Милош, сомневаясь, что религиозные традиции и положения суть спасение от того знания, которое человечество накопило к современной эпохе, заявляет о собственном внимании к гностицизму, заложенному в русской ментальности: «Католичество постоянно ссылается на благодать Бога, но проблемой зла и страдания в том столетии, которое я пережил, нельзя так просто пренебречь. Я не говорю, что я гностик. Я лишь борюсь с этой проблемой, которая, вероятно, не имеет решения. <...> Я большой приверженец Льва Шестова, философа, как и Иосиф Бродский, – это нас очень сблизило» (Милош 2003). Дальше Милош высказывает мнение, что русская литература не избежала национальной мифологизации, но она дала и критическое познание того зла, которое есть и во всем мире, и в русской цивилизации: «Я следил за русской мыслью, читая не только художественную литературу, но и Соловьева, Бердяева, Шестова, и вижу там огромный потенциал, который должен взорваться, раньше или позже заявить о себе. К сожалению, постоянным тормозом остается любовь ко всему русскому, выдвижение его на первое место, выше истины. Эти две силы будут бороться друг с другом – глубина русской души и ее скованность самолюбованием. <...> Я думаю, что причины более глубоки, чем чисто политические. Хаос современного мира – это огромный духовный

кризис во всем, засилье массовой культуры... <...> Мы являемся сегодня свидетелями событий, в глубоких последствиях которых еще не отдаем себе отчета. Быть может, такие парадоксальные и жуткие произведения, как «Москва – Петушки», дают нам один из способов подхода к современному миру» (Милош 2003).

XX ст. расширило границы существования человека, сблизило культуры, и человек мигрирует не только пространственно, но и ментально. Тем важнее задача сохранить личную индивидуальность, быть человеком мира и хранить феноменальную культурную микросреду, которая формировала его ментальность, его духовные ценности.

Милош отвергает антропологические и даже языковые обоснования соединения наций: именно культурные основы определяют существование личности и нации. Он говорит о роли прошлого, а не проектов объединения, но прошлое тоже может разъединять. Так, подозрительное отношение к национальным традициям поляков и русских вызвано, с одной стороны, опытом исторических ошибок (высокомерия, агрессии), с другой – мифами о враждебности разных культур, в то время как современное личностное сознание призвано видеть ценное и опасное как в иной, так и в своей культуре.

Во второй половине XX в. славянским странам, испытывающим влияние русской культуры, бесстрашно разгадывающей зло, иррациональные и хаотические свойства действительности, стоит вобрать опыт русской литературы ради спасения традиций европейской культуры от наступления массовой культуры. Мультикультура отвергается Милошем, взамен провозглашается сосуществование не подавляющих и не смешивающихся культур на малом пространстве европейских территорий, оказавшихся волею истории на пересечении или в соседстве многих традиций. Малые нации в целях самосохранения способны с большим вниманием хранить традиции, не навязывая их другим нациям.

Культура в новое время, после снижения авторитета церкви, сохраняет традиции, сформированный веками тип мироотношения. Поэтому симпатии Милоша на стороне европейской окультуренности, сохраняющей следы католицизма: рационализм, оформленность быта и поведения, личностная ответственность. Сохранение этих принципов становится прерогативой малых наций, так как большие нации Европы опасаются перерождения национальных традиций в имперские и впускают принцип толерантности, опасаясь ценностной иерархии.

Ч. Милош предупреждает, опираясь на опыт не только XX в., что национальное сознание народа может стать как опорой политики имперских притязаний, так и оправданием политики изоляционализма. Поэтому в

его интерпретации важнейшее значение в самоопределении славянских народов в центре Европы имеет культура: исторические традиции «родной» культуры, традиции связи с культурами ставшей «родной» Европы. Они дают возможность ориентации славянских народов в мировой культуре, понимаемой Милошем не как мультикультура, а как переплетение культур. В этом случае любые «другие» культуры, в частности русская составляющая славянской христианской цивилизации, должны входить в круг национального самосознания, позволяя избежать мифологизации «своего» и «чужого». Главное, что отличает концепцию Милоша, – Центральная Европа не политический проект, а живое социокультурное образование, прецеденты которого были в прошлом и возможны в настоящем как союз «малых» родин, создающий «форму существования», условия экзистенциального самоопределения личности.

ЛИТЕРАТУРА

Гроховска 2012 - *Гроховска М.* Чеслав Милош: «Добро – это мы, зло – это Россия». URL: <http://inosmi.ru/poland/20120223/186537802.html> (дата обращения: 21.02.2012).

Кундера 1984 - *Кундера М.* Трагедия Центральной Европы // *The New York Review of Books*. 1984. Vol. 31, № 7. April 26 / Перевод А. Пустогарова на сайте «Проза.ру». URL: <http://www.proza.ru/2005/12/16-142> (дата обращения: 16.06.2015).

Кундера 2014 - *Кундера М.* Занавес. М.: Азбука, 2014. Ч. 2. Die Weltliteratur. URL: http://www.libtxt.ru/chitat/kundera_milan/38981zanaves/5.html (дата обращения: 16.06.2015).

Лиссабонская... 2006 – Лиссабонская конференция по литературе. Русские писатели и писатели Центральной Европы за круглым столом. Стенограмма выступлений / Пер. с англ. Л. Семенова // *Звезда* 2006. № 5. URL: <http://www.magazines.russ.ru/Звезда/2006/5/se8.html> (дата обращения: 16.06.2015)

Милош 1992 - *Милош Ч.* Шестов, или О чистоте отчаяния: вступительная статья / Пер. с франц. С. Муравьева // Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М.: Гнозис, 1992. С. I-XVI.

Милош 1999 - *Милош Ч.* Личные обязательства. Избранные эссе о литературе, религии и морали / Пер. с польск. Б. Дубина. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

Милош 2001а - *Милош Ч., Венцлова Т.* Диалог о Восточной Европе. Вильнюс как форма духовной жизни // *Старое литературное обозрение*. 2001. № 1.

Милош 2001б - *Милош Ч.* О разногласии множества религий / Пер. с

польск. В. Британишского // Старое литературное обозрение. 2001. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/> (дата обращения: 16.06.2015).

Милош 2003 - *Милош Ч.* О России // Новая Польша. 2003. № 3. URL: <http://www.nowpol.ru/index.php?id=183> (дата обращения: 16.06.2015).

Милош 2008 - *Милош Ч.* О национальной принадлежности // Новая Польша. 2008. № 7-8. URL: <http://www.nowpol.ru/index.php?id=1012#c1275> (дата обращения: 16.06.2015).

Милош 2011 - *Милош Ч.* Родная Европа / Пер. Е. Старосельской, Б. Дубина, Ю. Чеснокова, В. Ладогина. М.; Wrocław: Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака-Езеранского, 2011. 288 с.

Милош 2013 - *Милош Ч.* Свидетельство поэзии. Шесть лекций о недугах нашего века / Пер. с польск. А. Ройтмана. М.: Центр книги Рудомино, 2013. 160 с.

Miłosz 2011 - *Miłosz Cz.* Rosja – widzenia transoceaniczne. T. II. Mosty powietrzne / wybór i opr. B. Toruńczyk. Warszawa: ZESZYTY LITERACKIE, 2011.

REFERENCES

Grochowska, M. (2012) *Cheslav Milosh: “Dobro – eto my, zlo – eto Rossiya”* [“We are the good, the evil is Russia.”]. [Online]. Available from: <http://inosmi.ru/poland/20120223/186537802.html> Translated from Polish. (Accessed: 21st february 2012).

Kundera, M. (1984) *Tragediya tsentral'noy evropy* [The tragedy of Central Europe]. Translated by A. Pustogarov. [online]. available from: <http://www.proza.ru/2005/12/16-142> (Accessed: 16th june 2015).

Kundera, M. (2014) *Zanaves* [The curtain]. Translated from French by A. Smirnov. Moscow: Azbuka.

Lisbon conference. (2006) *Russkie pisateli i pisateli Tsentral'noy Evropy za kruglym stolom* [Russian writers and writers in Central Europe at the round table]. lisbon literature conference. transcript. translated from english by I. Semenov. *Zvezda*. 5. [Online]. Available from: <http://www.magazines.russ.ru/zvezda/2006/5/se8.html> (Accessed: 16th june 2015)

Miłosz, Cz. (1992) *Shestov, ili O chistote otchayaniya: vstupitel'naya stat'ya* [Shestov, or about the purity of despair: an introductory article]. Translated from French by S. Murav'ev. In: *Shestov, I. Kirkegard i ekzistsentsial'naya filosofiya (glas vopiyushchego v pustyne)* [Kierkegard and existential philosophy (Voice of one crying in the wilderness)]. Moscow: Gnoziec. pp. I-XVI.

Miłosz, Cz. (1999) *Lichnye obyazatel'stva. Izbrannye esse o literature, religii i*

moralii [Personal liability. Selected essays on literature, religion and morality]. Translated from Polish by B. Dubina. Moscow: Dom intelektual'noy knigi.

Miłosz, Cz. & Venclova, T. (2001) Dialog o Vostochnoy Evrope. Vil'nyus kak forma dukhovnoy zhizni [The dialogue on Eastern Europe. Vilnius as a form of spiritual life]. *Staroe literaturnoe obozrenie*. 1.

Miłosz, Cz. (2001) O raznogolositse mnozhestva religiy [About discordance of many religions]. Translated from Polish by V. Britanishskiy. *Staroe literaturnoe obozrenie*. 1. [Online]. Available from: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1> (Accessed: 16th June 2015).

Miłosz, Cz. (2003) O Rossii [About Russia]. *Novaya Pol'sha*. 3. [Online]. Available from: <http://www.novpol.ru/index.php?id=183> (Accessed: 16th June 2015).

Miłosz, Cz. (2008) O natsional'noy prinadlezhnosti [About ethnicity]. *Novaya Pol'sha*. 7-8. [Online]. Available from: <http://www.novpol.ru/index.php?id=1012#c1275> (Accessed: 16th June 2015).

Miłosz, Cz. (2011) *Rodnaya Evropa* [Native Europe]. Translated from Polish by E. Starosel'skaya, B. Dubin, Yu. Chesnokov, V. Ladogin. Moscow, Vrotslav: Letniy Sad; Kollegium Vostochnoy Evropy im. Yana Novaka-Ezeranskogo.

Miłosz, Cz. (2013) *Svidetel'stvo poezii. Shest' lektsiy o nedugakh nashego veka* [Evidence of poetry. Six lectures about illnesses of the century]. Translated from Polish by A. Roitmann. Moscow: Rudomino.

Miłosz, Cz. (2011) *Rosja – widzenia transoceaniczne. t. ii. Mosty napowietrzne* [Russia – a transoceanic view. Vol. II. Bridges overhead]. Warsaw: Zeszyty Literackie.

Рыбальченко Татьяна Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы XX века Томского государственного университета.

Rybalchenko Tatyana – Tomsk State University (Russia).

E-mail: talery.48@mail.ru